

Содержание

Часть 1. ЛИ.....	7
Часть 2. ХЕЙЗЕЛ.....	137
Часть 3. ЛИ.....	207
Часть 4. ХЕЙЗЕЛ.....	259
Эпилог.....	372
От автора.....	378
Об авторе	381

*Посвящается Джо Велтру,
моему агенту и верному соратнику
с 2003 года*

Часть 1
ЛИ

Глава 1

В социологии существует термин «фундаментальная ошибка атрибуции», суть которого в основе своей сводится к следующему: глядя на кого-то в затруднительном положении, мы склонны полагать, что этот несчастный сам навлек на себя беду. Разумеется, в сложившейся ситуации всегда повинны некие внешние силы, но человеку свойственно думать, что с ним ничего подобного случиться не может. При нападении он отбивался бы как-то иначе; выполз бы из горящего здания; не стал бы жертвой интернет-мошенников. И, естественно, никогда не оказался бы на улице, без крыши над головой. Бездомные — это, как правило, наркоманы, или душевнобольные, или тунеядцы.

Что я думала о бездомных, пока не стала одной из них? Если коротко — ничего. Ежегодно жертвовала деньги местному приюту, раздававшему бесплатные обеды на День благодарения. Иногда бросала мелочь в шляпы или пустые стаканчики из-под кофе, избегая встречаться взглядом с теми, кто их протягивал. Я не спрашивала имен у этих людей. Бывало, даже переходила на другую сторону улицы, чтобы не столкнуться с ними. Не чуждая сострадания, в принципе, я жалела обитателей социаль-

ного дна, но в моем восприятии это были существа с другой планеты, чуждые элементы. Я даже мысли не допускала, что могу стать одной из них.

Я укрываюсь спальным мешком до подбородка и вытягиваю ноги под колонку рулевого управления. На заднем сиденье было бы удобнее, но я не рискую там спать. Заблокировав дверцы машины, дремлю в откидывающемся водительском кресле. Ключ находится в замке зажигания. Если кто-нибудь подойдет — полицейские, воры или еще кто похуже, — я в ту же секунду рвану с места, только меня и видели. Мой седан марки «Тойота» — один из многих в ряду спален на колесах, припаркованных на тихой улочке в сыром туннеле под эстакадой. Наши машины образуют неприглядную окантовку по краю большой квадратной парковки хозяйственного магазина. Удастся ли мне когда-нибудь расслабиться настолько, чтобы заснуть крепким сном в горизонтальном положении? Хотелось бы надеяться, что я выберусь отсюда раньше, чем мне случится это выяснить.

В подобные минуты тишины и покоя я до сих пор недоумеваю, как докатилась до такой жизни. Я — умная, образованная женщина, у меня был успешный бизнес. Я не наркоманка, не алкоголичка... хотя теперь спиртного употребляю больше. Рядом, в подлокотнике-бардачке, стоит бутылка виски. Это — чтобы согреться, успокоить нервы и заснуть. Я беру бутылку, отхлебываю виски и мгновение не чувствую ничего, кроме... тепла, обжигающего горло и разливающегося по пищеводу. Велик соблазн сделать еще один глоток. А потом еще. Но я не позволяю себе выпить лишнего. Мне никак нельзя терять голову, нельзя пестовать в себе зависимость. Я завинчиваю пробку и ставлю бутылку в бардачок.

В жилом автофургоне, что стоит передо мной, гаснет свет. Его обитатели пользуются керосиновой лампой,

а не автомобильным освещением, чтобы аккумулятор не сел. Марго и Дагу за шестьдесят. У Марго проблемы со здоровьем: она больна раком, хотя точный диагноз мне неизвестен. Даг работал в отеле, но был уволен, став очередной жертвой пандемии, сокращения затрат и жизни в целом. У них большая собака по кличке Луна — нечистокровный питбуль; из-за своего четвероногого питомца они не могут снять комнату. Я по возможности стараюсь парковаться за ними. Их старенький «Виннебаго» всегда стоит на одном и том же месте и имеет затейливое дополнение — брезенты, укрывающие от дождя и образующие навес, под которым они могут сидеть. Не скажу, что мы друзья, но иногда общаемся, что-нибудь обсуждаем, и рядом с ними — и с Луной — я чувствую себя в относительной безопасности и не столь одинокой. Они присматривают за мной. Именно Даг дал мне нож.

Я вожу пальцем по деревянной рукоятке, прижатой к правому бедру. Лезвие спрятано между сиденьем и подлокотником — в своеобразных ножнах. При необходимости я за секунду вытащу нож, чтобы защититься от обидчика. «Женщинам здесь небезопасно, — констатировал очевидное Даг. — Будь готова пустить его в ход». Я завила его, что за мной дело не станет, но смогла бы я и впрямь пырнуть кого-то ножом? Вонзить острое лезвие в человеческую плоть? В грудь, в шею или в живот? Я способна на многое, о чем прежде даже не подозревала. Отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки. Когда мой ресторан стал дышать на ладан и мечта всей моей жизни рушилась у меня на глазах, я лгала, жульничала, занималась подлогами. Погубила тех, кого любила, причинила им боль. Так сумею ли я пустить в ход нож, чтобы спасти свою жизнь? Конечно.

Уже поздно... и с наступлением ночи на меня нисходит ложное чувство покоя. Вдалеке кто-то сердито кри-

чит — на кого-то или просто в пустоту, — но крик постепенно стихает. Где-то звякают бутылки, но тихо и нечасто. Время от времени по эстакаде проносятся машины, убаюкивая меня своим рокотом. И я не слышу *их* приближения — либо задремала, либо *они* крадутся... возможно, как раз потому, что я задремала, а они крадутся. И вдруг они уже рядом, по обе стороны от моего автомобиля. Серые лица с запавшими щеками и глазами всматриваются в темные окна моего «дома». От страха сводит живот. Рука хватается за нож.

— Эй, лапуля! — говорит один, и сквозь запотевшее от его дыхания стекло я вижу, что во рту у него не хватает зубов. На секунду я встречаюсь с ним взглядом. В его глазах чернота, пустота. Значит, наркоман. Наркоманов я научилась распознавать по внешнему виду. Неистребимая жажда новой дозы вытеснила из него все человеческое. Судя по язвам на его лице, он принимает что-то тяжелое. А химия превращает людей в диких зверей — злых, агрессивных, непредсказуемых.

Второй прилип лицом к стеклу со стороны пассажирского кресла. Взгляд его мечется по салону, оценивая все, что в нем есть. За те недели, что я спала здесь, мне лишь раз пришлось удирать. Но тогда злоумышленников я вовремя услышала: они разбили окно в одном из фургонов. В ту ночь я завела машину и умчалась до того, как они добрались до меня. С тех пор я регулярно проигрываю сценарий своих действий в воображении: быстро возвращаю спинку кресла в вертикальное положение, поворачиваю ключ в замке зажигания, давлю на газ.

— Красотуля, машину-то открой, — требует беззубый, и я содрогаюсь от омерзения. Неужели он нацелен получить не только мои вещи? Я выхватываю нож, подношу его к окну. Угрожаю, постукивая острием по стеклу.

Но он не пьитися, не пугается. Напротив, улыбається мне беззубым ртом.

Скользкими от пота руками я неуклюже пытаюсь поднять спинку кресла. Я не пьяна, но из-за выпитого виски медлительна, не очень четко контролирую свои движения. И объята ужасом. Сиденье рывком выдвигается вперед, и я, выронив нож, берусь за ключ. *«Не бойся, Ли, — убеждаю я себя, заводя машину. — Тебе ничто не угрожает. Считай, что тебя уже здесь нет».*

А потом стекло со стороны пассажирского кресла разбивается. Я пронзительно вскрикиваю. Чужая рука ныряет в салон, ощупью ищет что-то — все, что можно схватить. По крайней мере, ему нужна не я. Однако мой рюкзак стоит прямо на пассажирском сиденье, сумочка лежит на полу. Прежде чем я успеваю рвануть с места, рюкзак исчезает в разбитом окне. Его утрату я как-нибудь переживу. Там одежда, туалетные принадлежности, вещи, которым я найду замену — могу себе позволить. Я газую, но та же рука снова ныряет в салон — за моей сумкой.

Нет, нет, нет, только не это. Мне достает ума не держать в ней всю наличность, но там лежат телефон и удостоверение личности. Элегантная сумка фирмы «Коуч» — это все, что осталось у меня от прежней жизни, от былой роскоши. Машина мчится вперед, а я резко наклоняюсь, чтобы поднять с пола сумку и положить ее на колени. Однако та рука все еще в салоне, хватает меня за запястье. Грязные ногти впиваются в кожу, я охаю от боли. Сигналю, надеясь, что кто-нибудь — Марго или Даг — проснется. Если они откроют дверь и выпустят Луну, эти выродки убегут. И я смогу уехать. Однако в автодоме по-прежнему темно.

Я жму на газ, но грабитель и не думает сдаваться. Он схватил мою сумку и не отпускает. Набирая скорость,

Робин Хардинг

я виляю на пустой дороге — пытаюсь оторваться, но он держится крепко. И бежит рядом с машиной — не отстает. Никак не отстанет, черт бы его побрал! Правой рукой с травмированным запястьем я хватаю нож и вслепую бью по его руке. Он даже глазом не моргает. Наркотик придал ему силы, наградил сверхчеловеческой прытью, сделал нечувствительным к боли. Сумка со всеми документами, удостоверяющими мою личность, вылетает в окно. И исчезает...

И все. Теперь я — никто.

Глава 2

Внос бьет едкий запах хлорки, и меня захлестывает ностальгия. В детстве местный бассейн был неотъемлемой частью моей жизни. Когда я росла, у нашей семьи был летний домик в горах Катскилл. Не роскошный, но вполне комфортабельный и с видом на озеро. По настоянию мамы мы с сестрой многие годы занимались плаванием, дабы ей не приходилось тревожиться, что мы утонем, пока она потягивает джин с тоником на террасе в компании своих подруг. Мы с Терезой часами плескались в воде, или плавали на нашей лодке, или, расстелив на пирсе влажные полотенца, просто лежали и смотрели в бескрайнюю синеву, обсыхая на солнце. Болтали о лошадях, о мальчишках, о том, кем хотели бы стать, когда вырастем. Тереза мечтала выучиться на ветеринара. А я хотела быть кино- или рок-звездой, — в общем, мечтала сиять и блистать.

В вестибюле тепло, сыро, воздух липкий. Я подхожу к женщине за стойкой с покрытием из ободранной «формайки». Она поднимает на меня глаза, смотрит пристально и настороженно.

— Я потеряла пропуск, — мямлю я, краснея от стыда.

Смотрю на себя ее глазами: растрепанная, взгляд затравленный, в руках две парусиновые сумки с одеждой, продуктами, посудой... с вещами, которые я не могла запихнуть в багажник. Разбитое окно я закрыла пластиковым пакетом, но в машину теперь любой может залезть. «Это не я, — хочу я сказать работнице бассейна. — Я — ресторатор. Деловая женщина. Предприниматель». Она недовольно кивает:

— Проходите. Только недолго.

— Спасибо.

Почти стершаяся дорожка из стрелок на линолеуме ведет меня к раздевалке. Там немногочленно: лишь две старушки натягивают на головы резиновые шапочки перед зеркалом. Я дожидаюсь, когда они уйдут, и иду напрямиком в душевую. На стене из шлакобетонных блоков — объявление крупными буквами:

РАЗДЕВАЛКА ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ БАССЕЙНА

Бродяжки, люди вроде меня, которые приходят в бассейн, чтобы помыться под горячим душем, пользуясь бесплатным мылом, сюда не допускаются. Но персонал проявляет снисходительность, если посетителей немного, а я управляюсь быстро и без лишнего шума. Вход — семь долларов. Я могла бы заплатить, но каждый цент на счету. Мне необходимо накопить деньги на взнос за аренду квартиры; в машине я долго не протяну — не выживу. В некоторых приютах для бездомных есть бесплатные душевые, но про них рассказывают всякие ужасы: там случаются кражи, изнасилования и даже убийства. К тому же, обратившись за помощью в приют, я *узаконю* свой статус бездомной. А я не бездомная. Это мое временное, недолговечное состояние.